

Михаил МОСКАЛЁВ

Михаил Москалёв родился в 1982 году в г. Осташкове. Окончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Печатался в журналах «Новая Юность», «Крещатик», «Дружба народов». Работает переводчиком.

ГАДЖО

Рассказ

1

Года два, что ли, тому назад исчез один мой знакомый по имени Ласло. На самом деле ничего плохого с ним, думаю, не случилось, а даже наоборот: сам Ласло наверняка знает, где находится, и делает это по доброй воле, будучи в здравом уме и твердой памяти. И это не голословное утверждение, а вполне обоснованное предположение с моей стороны. Ласло был должен всем вокруг. В основном деньги. Кому поменьше, кому побольше, а некоторым весьма серьёзными и обстоятельным людям – серьёзные и обстоятельные суммы. В какой-то момент количество обязательств достигло критического уровня. Критического, я имею в виду, даже для такого человека, как Ласло. Он решил положить всему этому конец. И сделал, нужно сказать, правильный выбор. Ничего лучше исчезновения в его ситуации и придумать было нельзя.

Как-то раз Ласло сказал, что родители дали ему имя то ли в честь поэтов, то ли в честь революционеров. И что деньги он по большому счету презирает. Не знаю, повлиял ли этот странный выбор родителей на отношение Ласло к деньгам, но вёл он себя не как поэт и не как революционер, а просто как человек с психологией закоренелого должника. Он вечно тянул с возвращением денег, перезанимал у одних, чтобы отдать другим, и надеялся, что с течением времени инфляция если и не превратит взятые им займы суммы в копейки, то существенно облегчит его долговую нагрузку.

Вообще, инфляция сыграла с Ласло злую шутку. Оно, понятное дело, и для других не подарок, но Ласло особенно не повезло. Давным-давно он обзавелся квартирой, взяв под это ссуду, которую при самых лучших раскладах ему пришлось бы возвращать следующие двадцать лет. Ласло так и делал: каждый месяц аккуратно относил в банк необходимую сумму денег, получал взамен квитанции об оплате, которые накалывал на утащенную им из родной бухгалтерии иглу, и, наблюдая за тем, как растет кипа квитанций, мечтал о том моменте, когда квартира окончательно перейдёт в его собственность.

Однажды он обнаружил, что цены в магазинах выросли, а вслед за ними – неохотно, правда, – зарплата, которую ему выдавали из окошечка на его родном предприятии за какую-то однообразную настольную работу. Самое приятное заключалось в том, что платеж за квартиру остался прежним. Рост цен и зарплаты никак на нем не сказался. Здесь-то у Ласло и стали появляться всякие мысли. Здесь-то он и начал предаваться различным соблазнительным фантазиям, вдыхая ядовитые испарения полудюжины канцелярских фикусов. Тем временем инфляция усугубилась, превратившись из вяло текущей в медленно ползучую, из ползучей в хромающую, из хромающей в ковыляющую и так далее, пока не вошла в режим галопа. Цены выросли раз в десять, зарплата у Ласло раз в семь, но платеж за квартиру остался прежним. На долги инфляция никак не повлияла. В один прекрасный день, получив деньги из окошечка кассы, Ласло с легким сердцем зашел в банк и просто внес остаток долга за свои

квадратные метры, получив квартиру в собственность за три года вместо положенных двадцати лет.

Здесь бы ему и успокоиться, и зажить в свое удовольствие, но легкость, а главное быстрота, с которой он погасил ссуду, буквально лишили Ласло сна. Теперь он постоянно думал о том, что любая сумма денег рано или поздно обратится в пачку бумаги. Туалетной, говорят некоторые злопыхатели. Но нет, даже не туалетной, а какой-то совсем бестолковой и ненужной. Ласло, конечно, обо всем этом знал, но никогда не представлял себе этот процесс обесценивания так ярко, с такими анатомическими подробностями. Самое главное, думал теперь Ласло, расписываясь в бухгалтерской ведомости за очередную получку, чтобы эта пачка бумаг не была твоей. Пускай она лучше будет заемной. Вернуть пачку обесцененных купюр, в конце концов, не так обидно, как получить её. Так он решил и принялся занимать деньги у всех подряд, свято веря в обесценивающую силу инфляции, которая не даст ему пропасть. Своим кредиторам, чтобы их успокоить, он задвигал другую теорию.

– Видишь ли, – говорил он.

Или:

– Видите ли, – если аудитория превышала одного человека, что при грамотном подходе (а к одалживанию денег (не к возврату – *sic!*) Ласло подходил грамотно) случалось, – Долги – это основа общества, скрепляющая сила, клей, на котором всё держится. Дети должны родителям, родители – детям, друзья должны друг другу, муж должен жене, жена – мужу, государство должно гражданам, граждане – государству. По сути, долг – это единственное, что нас связывает. Если бы все расплатились по своим обязательствам, общество рассыпалось, как карточный домик. Зачем бы ещё мы поддерживали отношения между собой, если бы не наши долги? Мы бы давным-давно разбрелись по разным концам планеты и забыли друг о друге. По большому счёту, мы помним только о своих должниках и о своих кредиторах. Все остальные люди занимают в нашей памяти довольно случайное место.

Ласло в общем-то был честным малым. Ну, по крайней мере, формально. Однако произошло то, чего он никак не мог предусмотреть. Власти вдруг ввели золотой стандарт. Привязали стоимость денег к хранящимся в государственных амбарах слиткам желтого металла. Привязали и объявили по телевизору. Ласло то ли не понял, что случилось, то ли не придавал этому значения и продолжил заниматься своим обычным делом. А когда до него дошло, было уже поздно. Деньги вдруг перестали терять свою покупательную способность. Инфляция сначала остановилась, а потом покатила обратно. Товары и услуги подешевели, количество денег уменьшилось, и, что самое неприятное, они подорожали. В связи с этим предприятие порезало Ласло пособие по работе, и очень скоро он очутился в ситуации заёмщика с падающими доходами и подходящими сроками оплаты по долгам. Какое-то время Ласло крепился, распродал купленный на занятые деньги антиквариат, пытался получить скидки за оплаченные ранее услуги (однажды, например, он пришел в парикмахерскую и потребовал вернуть ему пять процентов за сто стрижек, которые он позволил на себе сделать за прошедшие два года), а потом всё-таки бежал от кредиторов на поиски новой инфляции, дешёвых банковских ссуд и легковых заёмодателей.

За несколько дней до своего исчезновения он сказал мне так:

– Я по уши в долгах. Я связан по рукам и ногам. У меня обязательства перед кучей народа. Я прошу у тебя... – он назвал сумму. – ...И ты можешь быть уверен, что ты даёшь деньги самому надежному и честному человеку в этом городе.

После Ласло осталась квартира – результат единственной его удачной финансовой операции. Именно в квартиру сразу после исчезновения её хозяина начали стекаться со всей Москвы люди, которым Ласло был должен. На деньги никто из них не надеялся. Но в квартире было полно вещей, которые могли хотя бы частично компенсировать потерянные суммы. Так как среди заёмодателей оказался также и участковый с половиной

местного жэка, то проблем со вскрытием квартиры не возникло. Всё выглядело более чем благопристойно: внешнюю дверь взломали болгаркой, внутреннюю вышибли с ноги (точнее, с нескольких ног), шторы из бусинок, которые можно было бы считать третьей дверью, безжалостно оборвали.

Первыми право на компенсацию получили серьёзные люди – три солидных мужчины с вытатуированными на пальцах именами. Они вразвалочку прошлись по комнатам и отобрали себе некоторое количество украшений и меховых шуб. Зачем все эти вещи понадобились Ласло, сказать не берусь. Я никогда не видел, чтобы он ходил в шубе, а тем более носил кольца или цепочки. Затем в квартиру зашёл участковый с жэком, а потом пришла очередь и всех остальных. Я приехал поздно и попал в квартиру одним из последних, когда оттуда почти всё уже успели вынести. Выбор у меня был скудный: люстры со стеклянными подвесками, швейный набор, электрические провода – ничего из этого мне было не нужно и брать не хотелось. Я просто бродил по квартире Ласло в тёплых летних сумерках, думая о его странной судьбе, и уже совсем было принял решение отправиться домой, когда увидел под батареей небольшой свёрток, густо облепленный скотчем. Никто, судя по всему, его не заметил или просто не захотел заморачиваться с распаковкой, а потому он остался лежать нетронутым. Я не думал, что внутри может быть что-то полезное, но из любопытства взял ножницы и разрезал бумагу.

Внутри оказался пистолет. Надпись на рукоятке гласила, что это Макаров особой цыганской модификации, сделанный лет тридцать тому назад в подпольном цехе одного оружейного завода. В дуло пистолета был вставлен свёрнутый в трубочку клочок пожелтевшей бумаги. Развернув его, я понял, что это пользовательская инструкция к оружию. Написана она была от руки мелким почерком и на цыганском языке. Я сунул клочок бумаги в карман, залепил оружие остатками скотча и отправился вместе с ним домой, как-то сразу позабыв, что ещё минуту назад мне от квартиры Ласло ничего не было нужно. Я не задавался вопросом, зачем Ласло хранил дома оружие. В его положении, наверно, это имело какой-то смысл. Хотя вряд ли он им хоть раз воспользовался. Я также не думал, зачем оружие вдруг понадобилось мне. Просто почувствовал острую необходимость в этом. Дома, сказал я себе, нужно будет разобраться с инструкцией.

2

В цыганском языке, как известно, есть два диалекта: внутренний и внешний. И вот этим последним – внешним – я владею довольно сносно. Может быть, даже весьма прилично. Выучил я его, пока мотался по коммерческим делам. Была такая полоса в моей жизни. Хозяева медведей и владельцы свадебных салонов, – а они выступали в качестве основных контрагентов в моём маленьком бизнесе по организации медвежьих свадеб, – никакого другого средства общения не признавали. Переговоры с ними велись исключительно на внешнецыганском и затягивались порой на несколько дней, а то и недель. Размеры клеток, рацион, расписание выступлений, приезды, отъезды, переработки – я десятки раз проверял и перепроверял все пункты соглашений, дабы ничего не упустить и не нарваться на штрафы. Работа у меня, мягко говоря, была не из лёгких. От некоторых требований просто ехала крыша. Например, каждый раз особо обговаривался цвет грузовиков для транспортировки животных. На мой вопрос, какая, фиг, разница, во что покрашен кузов, хозяева медведей отвечали, что это пожелание самих животных, без выполнения которого они отказываются что-либо делать. Со временем это стало для меня само собой разумеющейся частью работы: новое выступление, новый цирк, новый цвет авто. Другой весьма необычный предмет обсуждений – колесная база грузовиков. Не менее трёх шасси, говорили медведи, и не потому, что обычный четырёхколесный грузовик может не выдержать их вес, а исключительно для помпы и форсу. Таково представление об успехе в семействе сиволапых. На передних рядах во время своих

выступлений они хотели видеть только стариков, мёд принципиально не ели, оставляли после себя в гримёрках горы шерсти, а запах, этот медвежий запах, эта вонь в подсобных помещениях и тёмных коридорах служебной части цирка – едкая, омерзительная – она будет преследовать меня, наверно, всю оставшуюся жизнь. Разбогатеть мне при этом так и не удалось. Всё, что я зарабатывал, приходилось тратить на свору клакёров и театральных писак, просто чтобы поддержать реноме удачливого антрепренёра, каковым я, конечно же, не являлся, потому что представления с толстозадными обленившимися и довольно капризными зверями популярностью, мягко говоря, не пользовались.

В конце концов я переключился на торговлю подержанной радиотехникой, потом устроился тапёром в кинотеатр немых фильмов, несколько раз переехал, растерял всех своих старых контрагентов, обзавёлся новыми, однако говорить на внешнецыганском не разучился. Да и как можно разучиться, когда ты то и дело вынужден к нему прибегать? Помню, как в одной забегаловке посетитель наставил на бармена нож и попросил подлить в свой коктейль редкую настойку из лесных водорослей. Попросил на внешнецыганском, которого бармен не знал. Подбежала охрана, и дело могло бы принять совсем дурной оборот, если бы не моё вмешательство. Я объяснил, что во внешнецыганском нож – это ни в коем случае не угроза, а показатель интонации. Элемент языка, не уместившийся в речи и вытесненный в жест, для пущей выразительности украшенный стальным пером. Странно, что в баре никто, кроме меня, этого не знал. Внешнецыганский диалект не такая уж и редкость, как можно подумать. На нём говорит, торгует, оскорбляет, хвалит, ссорится и мирится немалое количество людей по всей планете. Это довольно распространённое средство общения. Настолько, что какая-нибудь сердобольная школа нет-нет да и выделит под него пару часов в своём недельном расписании.

Но моя инструкция была написана на внутреннецыганском диалекте, а это совсем другое дело. Во-первых, встречается он гораздо реже. В школах его точно не проходят. А во-вторых, он довольно сильно отличается от внешнего диалекта, и отличие это, нужно признать, носит устрашающий характер. Даже удивительно, что такое бывает. Суть заключается вот в чём: звучат оба диалекта совершенно одинаково. Никакой особой фонетической разницы между ними нет. Кажется, что с тобой говорят на внешнем, но потом, попав не в очень приятную ситуацию и сделав то, чего делать было не надо, ты начинаешь понимать, что разговор вёлся на внутреннем и совсем о других вещах. А всё потому, что значения слов в одном диалекте очень сильно смещены относительно другого. Порядок и форма звуков та же, но смысл, который они в себе заключают, совершенно другой. Я, слава богу, понимал, с чем имею дело. Поэтому не очень удивился, когда, вернувшись от Ласло домой и усевшись за стол, вместо инструкции к пистолету прочитал жизнеописание брата Иисуса, родившегося на тысячу лет позже своего легендарного родственника. То есть в заглавии было написано, что это инструкция к пистолету, а вот дальше шла история про Иисусова брата. История эта – известный цыганский апокриф, который в общих чертах был мне известен, но в инструкции он явно рассказывал про устройство пистолета, а не про очередную попытку божественного откровения. Следовательно, нужно было решить, чему в оружейной терминологии внешнецыганского соответствуют богословские термины внутреннецыганского. Транспонировать, так сказать, религиозные образы в военно-технические. Честно говоря, я не очень в этом преуспел. Понял только, что милость божья – это взведённый курок, а святой дух – гашетка. А вот какой части пистолета соответствует пространный рассказ об искушениях, так до меня и не дошло. Речь там шла про семь испытаний, через которые дьявол заставил пройти Иисусова брата на пустыре неподалёку от расположившегося на ночь цыганского табора. Испытания брат не выдержал и соблазнился на все сатанинские предложения. Причём соблазнился как-то очень легко, даже с удовольствием. И на царства, и на славу, и на зрелища, и на какую-то совсем уж позорную чепуху. Так обычно дети назло старшим совершают дурные поступки, после чего, правда, начинают раскаиваться и с облегчением принимают наказание за свои шалости. Брат Иисуса повёл

себя как типичный нашкодивший ребёнок: поняв, во что вляпался, испугался, а испугавшись, попросил цыган молиться за свою душу. Мол, больше ему надеяться не на кого. На дворе ночь, вокруг никого нет, а до ближайшей церкви пилить по бездорожью часа два. Цыгане молиться не стали, а сразу позвали Иисуса, решив, что дело здесь скорее семейное, чем духовное, и хороший подзатыльник от старшего будет эффективнее, чем коленопреклонённые молитвы ему же. Иисус не замедлил явиться и тут же устроил своему малодушному родственнику такую выволочку, что земля в том месте ходуном заходила. Искуситель со всеми своими семью искушениями успел куда-то смыться, и отдуваться за всё пришлось братцу, который после этого по пустырям в ночи больше не шастал и сомнительных знакомств не заводил. Такая история.

Ну вот и какое отношение имело всё это к пистолету Ласло? Что такого нужно было сделать, чтобы заставить его стрелять? Куда нажать? За что потянуть? Даже намёка на догадку у меня не возникло. А вопрос этот отнюдь не праздный. Цыганское оружие, а в особенности цыганские модификации армейских пистолетов, – штука опасная и непредсказуемая. Не знать точно, как с ними обращаться, означает действовать на свой страх и риск. Да и знающий человек всегда должен быть начеку. Пистолет может выстрелить два раза вместо одного. Может не сдержаться и выстрелить вбок или назад. И тогда хозяин оружия убьёт не противника, а себя или рядом стоящего человека. В регламентах кочующих таборов поэтому запрещено палить в присутствии лошадей и медведей, дабы ненароком не попортить ценную скотину.

Слава богу, проводить опыты мне не пришлось: в разгар чтения инструкции я обнаружил, что в магазине пистолета нет патронов. Возможно, в квартире они лежали в каком-нибудь укромном месте, и я их попросту не заметил. Возможно, патронов там и вовсе не было. В любом случае, вернуться в квартиру и заново обыскать её я уже не смог бы. Сразу после моего ухода рабочие вынесли все оставшиеся там вещи на свалку. Переводить инструкцию дальше смысла не имело. Сначала следовало подумать о том, где добыть патроны к оружию. Если в природе вообще существовала такая вещь, как патроны к пистолету Макарова особой цыганской модификации.

3

Давно, ещё со времён медведей, я знал одного человека, который торговал всякой всячиной в подземных переходах. Звали его Ласло. Но с тем Ласло, который верил в инфляцию, он не имел ничего общего, кроме имени. Друг с другом они знакомы не были. А если бы познакомились, то, наверно, сильно удивились, потому что даже для такого проходного двора, как Москва, два Ласло – это перебор. Я, можно сказать, уникальный человек, потому что ходил в приятелих и у одного и у другого Ласло, и оба они вполне спокойно чувствовали себя в столице и даже были её уроженцами.

Не знаю, в честь кого родители назвали второго Ласло, Ласло-барахольщика, но деньги он, в отличие от первого, уважал. И словно в подтверждение этого носил сутяжного вида усы, из-под которых, когда он улыбался, становились видны два золотых зуба. Они так органично вписывались в структуру его лица и так естественно выглядели рядом со своими незолотыми собратями, что вполне возможно даже не были вставными. Одевался Ласло в белый костюм и носил шляпу с огромными полями. В былые времена он раскидывал свой товар на коврик прямо на бетонном полу перехода, прислонялся спиной к стене и, подогнув ногу, принимался зазывным взглядом осматривать проходящих мимо людей. Импозантный вид был главным его маркетинговым орудием. Стоило только человеку замедлить ход, заинтересоваться, подойти ближе, и он попадал в категорию клиентов Ласло: радостных обладателей какой-нибудь нелепой дичи, вроде фонарика на батарейках, заводного будильника или чайника со свистком. Впрочем, консьюмеристская эйфория длилась ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы спуститься по эскалатору. В вагон метро покупатель входил уже не совсем понимая, зачем

он решил на ненужное приобретение, и ещё меньше понимая, по какой причине только что испытывал такие сильные положительные эмоции. Претензии, однако, были редким явлением. Если кто и возвращался в подземный переход с подобными намерениями, в действие вступали беспощадные законы рынка, и жалобщика снова засасывало в маркетинговую воронку имени Ласло.

Меня тоже не миновала эта участь. Как-то я приобрел у Ласло два медвежьих обрубчатых ошейника с металлическими наклейками в виде северных оленей. Сначала, как и все, я почувствовал воодушевление, потом расстроился, а ещё потом (со мной такое бывает) вновь воодушевился, так как понял, что купил-то я нужную мне до зарезу вещь. Ошейники были прописаны в контракте на очередную медвежью свадьбу, но абсолютно позабыты мною в подготовительном угаре к мероприятию. Не случись со мной закупочного приступа в переходе, штрафы, а может чего и посерьёзнее, были бы обеспечены мне уже на следующий день.

Я тут же вернулся к Ласло и скупил на радостях всё барахло, которое в тот день лежало у него на коврике. Мы разговорились, и после этого он стал регулярно поставлять вещи, необходимые для моей работы. Каждую неделю в течение нескольких лет я спускался к нему в подземный переход налегке, а обратно в город поднимался с двумя забитыми до отказа хозяйственными сумками.

После того как я вышел из медвежьего бизнеса, мы перестали видеться. Ласло приобрел пару павильонов в своём родном переходе и продолжал заниматься коммерцией уже в более цивилизованной форме. Не знаю, наверно, в какой-то момент решил, что торговать с расстеленного на полу коврика в его годы уже не совсем солидно. Я только надеялся, что ассортимент в его павильонах остался таким же варварским, как и прежде, и что если не продать, то по крайней мере посоветовать, где достать патроны для моего внезапного пистолета, Ласло ещё мог. Чего-то да стоила наша контрабандная дружба.

Я появился у Ласло в среду – день, в который раньше заходил к нему за товаром. Людей для середины недели было маловато. Раньше, помнится, в это время здесь сновали толпы народа. Одни ломались на эскалатор, к кассам, чтобы купить билетик и провалиться под землю, другие спешили выбраться из огнедышащего метрополитеновского ада. Вдоль стенки, рядом с которой раньше обретался Ласло, тянулся рад павильонов. Их было штук шесть. Полдюжины. Половина от этой полдюжины или около того принадлежала Ласло. Какие точно, я не знал, и стал заходить во все двери подряд. Самого Ласло нигде не было видно. Дойдя до последнего павильона и обнаружив в нём только гору картонных коробок и шторку с вышитой на ней картой Московской области, я решил позвать своего бывшего компаньона.

Мне никто не ответил.

– Ласло, – снова позвал я его и осмотрелся. – Неужели ты не узнаешь своего друга?

Мне снова никто не ответил.

– Неужели ты не узнаешь своего старого друга, которому ты продал медвежьи ошейники и ещё кучу разного бесполезного барахла? Ласло, мы не виделись целую вечность, за которую я успел завязать с медведями, поработать тапёром и растерять всех своих контрагентов. Я знаю, что вечность – это слишком большой промежуток времени. Люди забывают друг друга за такое длительное время. Люди перестают думать друг о друге. Начинают новую жизнь. Богатеют и разоряются. Но сейчас ты мне нужен. Сейчас ты мне нужен, как никогда раньше. Ласло, твоему другу нужны патроны. Понимаешь? Твой друг собирается стрелять из Макарова особой цыганской модификации. Не знаю в кого. Не знаю зачем. Но твой друг полон решимости стрелять. Стрелять, понимаешь, и даже, кто знает, убить кого-нибудь.

– Патроны достать не проблема, – послышался голос Ласло. – Но с мокрухой связываться не хотелось бы.

– Ну вот, – ответил я ему, ещё не видя и не понимая, где он находится. – Узнаю своего осторожного друга Ласло.

– Мокруха дело опасное, – повторил голос Ласло. – А у меня, видишь ли, торговля. Шесть павильонов. Не хотелось бы рисковать своей репутацией.

– Я думал, у тебя их всего четверть дюжины и они разбросаны по всему городу, а на самом деле их шесть штук, и они жмутся друг к другу, как новорождённые котята.

– Я привык к этому переходу. Он мне как родной.

– Это хорошо, когда у человека есть родные места.

Я вышел из последнего павильона и увидел Ласло сидящим на маленькой табуретке около стенки. Открытая нараспашку дверь скрывала его от посторонних взглядов.

– Ласло, как я рад тебя видеть, дружище.

Он поднялся мне навстречу, и я его обнял.

За то время, что мы не виделись, он, и без того грузный и корпулентный мужчина, погрузнел ещё больше, усы у него посеребрились сединой, а насчёт зубов ничего сказать не могу, потому что за всю встречу он так ни разу и не улыбнулся.

– Откуда у тебя Макаров особой цыганской модификации? – спросил Ласло.

– Подарил один мой друг перед отъездом.

– Он цыган?

– Нет, он гаджо.

– Странно, обычно цыганское оружие не попадает в посторонние руки. Или ты что-то не знаешь о своём друге.

– Возможно, возможно и так, что я не всё знаю о моём друге, возможно, цыганское оружие попало в руки гаджо. Но как получилось, так получилось. Сейчас мне нужны патроны. И ещё мне нужен человек, который помог бы разобраться в инструкции к оружию. Сам я этого сделать не умею.

– Ну, думаю, с этим я справлюсь.

Я протянул ему инструкцию. Пистолет у меня тоже был с собой, но я не стал доставать его из сумки.

Ласло взял клочок бумаги с цыганскими каракулями и быстро пробежал по нему глазами.

– И что здесь непонятно?

– Ласло, – сказал я с усмешкой, – Видимо, я не знаю чего-то о тебе.

– И тем не менее? – Ласло остался невозмутимым. – Милость божья – это взведённый курок, а святой дух – гашетка.

– Это я понял, спасибо. А при чём здесь история с семьёй испытаниями?

– Семь испытаний – это семь пуль. Все испытания разные, значит, пули разного калибра.

– Разнокалиберный пистолет?

– Да, а что такого? Цыганское оружие очень гуманно и соразмерно человеку, в которого оно собирается стрелять.

– Что это значит?

– Видишь ли, все люди разные и проблемы у них тоже разные.

– Это так, – со знанием дела подтвердил я. – У разных людей разные проблемы.

– Вот есть, например, хороший человек, который создаёт небольшие проблемы.

Поговорить с ним, допустим, времени нет, а убивать его за маленькие проблемки как-то неправильно.

– Убивать хороших людей, и правда, не совсем правильно.

– Так что же делать?

– А что делать?

– Пальнуть в него мелкой дробью! – торжественно заявил Ласло. – Ну или самым маленьким из существующих калибров, в случае если под рукой у тебя оказался пистолет. Но таким маленьким, что им и таракана даже убить нельзя, а только ранить, и то легонько.

– Разумное решение, – согласился я.

– Если попался несмышлёный человек с проблемами посерьёзнее, а разговаривать времени вообще нет, то можно его чуть-чуть покалечить.

– Легонько покалечить за несмышлёность. Ага, понятно.

– И здесь требуется калибр покрупнее. Но тоже далеко не самый крупный, чтобы дальше членовредительства дело точно не пошло. Для таких несмышлёных хлопотунов не самый крупный калибр – самое то. Ну и так далее в той же логике до крайнего случая, когда дело даже не во времени, а в том, что человек просто дерьмовый... – Ласло вздохнул. – Говори с ним, не говори, толку никакого не будет. И тогда ничего другого не остаётся, как воспользоваться седьмым, самым крупным калибром, который не то что дерьмового человека разнесёт на куски, но и слона гарантированно в мокрое место превратит. Вот видишь, какое чуткое отношение?

– Действительно чуткое.

– И потом, это просто удобно, – продолжал Ласло. – Не таскать же с собой целый арсенал под разные задачи? В конце концов могут возникнуть вопросы у полиции. Нет, разнокалиберка – то, что нужно. Перед выстрелом требуется просто настроить пистолет. Опытный стрелок делает это за миллионные доли секунды. Ну, может, за сотые, десятые, но очень быстро, почти незаметно для противника. Всё цыганское оружие такое.

– Хорошо, а что за история дальше с наказанием от Иисуса?

– На это уже не стоит обращать внимания. Это история рассказывается в конце всех инструкций, написанных на цыганском. Неважно, инструкция это к чайнику, к стиральной машинке или, как в твоём случае, – к пистолету. Не стоит брать в голову.

– Ну ладно, так что с патронами? У тебя они есть?

– У меня нет.

– Но ты знаешь, где их достать?

– Конечно. Есть один цыган, у которого такое может водиться.

– Где его найти?

– Он промышляет конокрадством в городских парках культуры и отдыха.

– Конокрадством? Ты шутишь? Все московские кони сгорели в пожаре двенадцатого года. Вместо них по улицам пустили трамваи. Каждая собака об этом знает. В Москве невозможно украсть лошадь, потому что их здесь просто нет. Знаешь, сколько охотников сразу нашлось бы? Да вот я, например.

– Как хочешь, я тебе всё сказал. Можешь верить, можешь нет.

– И где его искать?

– В местах скопления шахматистов, конечно.

– Ты хочешь сказать, что он крадёт...?

– Конечно, шахматных... А ты что подумал? Просто он чувствует ответственность за сохранность древнего искусства.

В благодарность за информацию о цыгане с патронами я купил у Ласло бубенцы для гончих черепах. По старой памяти. Мы распрощались. Я вышел из перехода непривычно налегке (бубенцы уместились в кармане куртки), но тело моё рефлекторно напряглось, как будто в каждой руке у меня было по огромной пузырящейся сумке с цирковой утварью.

Для ловли цыгана я извлёк с антресолей дореволюционную шахматную доску с красивыми резными фигурами, доставшимися мне от одной посетительницы кинотеатра немых фильмов в качестве благодарности за хорошую игру на пианино. Играл я на самом деле отвратно, но моё музыкальное сопровождение идеально подходило под четырёхчасовую драму об охоте вампиров на человека-невидимку или наоборот, не помню уже.

На следующий день я отправился в центральный парк, нашел там стаю шахматистов, присел за свободный столик и стал расставлять фигуры на доске. С конями я проваландался особенно долго, чтобы привлечь внимание окружающих к их породистости и рысистой. Едва я закончил подготовку, напротив меня уселся старичок, похожий на шахматную фигуру, которую много раз съели. Несмотря на свою внешнюю пережёванность, он оказался очень бодрым и решительным старичком. На первом же ходу съел моего ферзя, а на втором объявил шах. Я не стал разбираться, как у него это получилось, и в ответ лишил его сразу двух ладей. В конце концов, я пришёл не за тем, чтобы разбираться в тонкостях игры, а чтобы добыть патроны. Я поглядывал по сторонам, надеясь увидеть цыгана, но никого похожего вокруг не было. Старичок между тем всё не унимался и продолжал в своём духе. Начиная с пятого хода мы играли без королей. Когда доска почти опустела, я стал незаметно подставлять уже съеденные фигуры, чтобы ещё потянуть партию. Так раньше в трактирах, наверно, разомлевшим клиентам подливали в стакан спитой чай. Старичок ничему не удивлялся и моментально брал в оборот ожившие фигуры. Особенно ловко он действовал вернувшимися из преисподней конями, поэтому я старался особенно на них не давить. Вдруг старичок встал и объявил, что выиграл партию. Это было неожиданно. Перед этим я украдкой вернул на доску почти все фигуры, и игра могла бы продолжаться ещё долгое время. Я сказал старичку, что никаких признаков его победы не наблюдаю, но он запротестовал. Он чувствует, что выиграл, и этого достаточно. Я переменял тактику и потребовал реванша, но и здесь он заупрямился и сказал, что у него слишком мало времени и ему срочно требуется уходить. Куда? Я пожал плечами и отпустил его с миром.

В одиночестве я оставался недолго. Следующим моим противником стал серьёзного вида молодой человек в костюме. Я уже успел привыкнуть к манере игры старичка и на первом же ходу попытался поставить шах вражескому королю, но молодой человек заупрямился и стал говорить про какие-то правила. Мол, перелетать пешкой через всё поле нечестно. Мол, ходить надо e2-e4, или b2-b4, или как-нибудь так. А летать через всё поле противозаконно. Пришлось соблюдать правила. Я стал разыгрывать полинезийскую партию. Полинезийская партия предполагает дебют, в котором участвуют только кони. Первые пятьдесят ходов они прыгают по доске как сумасшедшие, то наскакивая на позиции противника, то запрыгивая обратно в стойло за шеренгой своих пешек. Происхождение полинезийской партии мутное. Говорят, что родилось оно среди горстки отщепенцев, проповедовавших неутилитарный подход к игре. Они не пытались улучшить свои позиции, поставить мат королю противника или ввести его в заблуждение. Цели они преследовали сугубо эстетические, возможно, даже этические. Нужно видеть, как разыгрывают эту партию настоящие профессионалы. Какие опасные узоры выплывают они из деревянных тел своих конеобразных фигур. Я, конечно, профессионалом не был, но достойно отыграл начало. Партия вкатилась в стадию миттельшпиля. Фигуры разбрелись по всей доске, короли попрятались по углам, ходы стали требовать больше времени. Тут я заметил, что в игре не хватает одного коня. Проскакав весь дебют по шахматному полю, он забился в чёрную клетку и уже долго стоял без дела. Я думал использовать его в небольшой провокации против вражеского короля, но теперь мне стало не до провокаций. Я почувствовал, что цыган где-то рядом.

Через некоторое время необъяснимым образом конь исчез и у моего визави. Он посмотрел по сторонам, заглянул под лавку, на которой мы восседали и, не обнаружив под ней фигуру, принял растерянный вид.

– Что же это получается? – спросил он. – У меня здесь раньше стоял конь, а теперь его нет. Этого не может быть.

– Второго коня у вас тоже больше нет, – я показал на пустую клетку рядом со слоном.

– Но это получается беззаконие. Фигуры не могут пропадать просто так. Их нужно съесть.

Он сделал жевательное движение челюстями, будто показывая, как нужно поедать фигуры.

Я заметил тоненькое лассо из прозрачной, почти невидимой лески, которое накинлось на моего второго и последнего оставшегося на доске коня. В следующее мгновение фигура спрыгнула с доски и полетела по воздуху в сторону пруда. Я вскочил с места, да так неловко, что перевернул доску с шахматами. Молодой человек стал что-то кричать, но я, уже не обращая на него внимания, бежал за парившей по воздуху фигуре. По дороге я сшиб еще пару досок, растоптал клумбу, опрокинул тележку с мороженым и, по-моему, самого мороженщика, но все равно упустил свою цель. В замешательстве я остановился посреди тропинки, ведущей к пруду. В пространстве передо мной реяло пустое июльское марево, с боков напирала деревья и кусты, из которых доносился птичий ор и насекомый скрежет. И тут я увидел, как мой конь со свистом подлетает к поверхности пруда. Звук был как у пикирующего бомбардировщика из военных фильмов. В следующую секунду из воды показалась рука, схватила коня и вместе с ним вновь исчезла в воде.

Всё произошло так быстро, что кроме меня никто ничего не заметил. Сам я сначала не поверил своим глазам, и только полученные от Ласло сведения вселили в меня уверенность, что виденное мною не было галлюцинацией. Моего коня утащил какой-то сидящий в пруду человек, и у меня не возникало никаких сомнений в том, кем он был.

Играть в шахматы я больше не хотел, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как сесть на лавочку возле пруда и дожидаться, пока из него кто-нибудь не вылезет. Времени у меня было много. Мой шахматный визави, законопослушный молчел, притащил мою доску и с недовольным видом сказал, что больше никогда не сядет со мной играть, потому что я не умею проигрывать и вообще жульничаю. Это было понятно ему с самого начала. Я только рассмеялся в ответ и забрал у него остатки шахмат. Потом мимо меня с победоносным видом прошёл давешний прожёванный дед. Никаких срочных дел у него не было. Он просто наврал. Я не удержался и крикнул ему вслед, что партия осталась за мной. Но он не обратил на меня внимания.

Наконец, ближе к вечеру из пруда на берег вышел человек. К этому даже нечего добавить. Выглядел он так спокойно, будто только что спускался в подвал собственного дома. В руках у него был полиэтиленовый пакет, весь измазанный илом, к ноге прицепилась длинная подводная лиана. Человек подошёл к скамейке, поставил на неё свой пакет, затем стянул с себя жилет и принялся его выжимать. Меня он не замечал, несмотря на то что сидел я на соседней скамейке и нас разделял утлый дырявый куст. Покончив с жилетом, человек вылил воду из туфель и стал выжимать брючины, не снимая штанов. На голове у него всё это время оставалась характерная цыганская шляпа, с которой на штаны то и дело обрушивался целый град из капель. Я решил, что ждать больше нечего и пора приступить к переговорам.

– Что, сырая нынче погода? – спросил я глумливым тоном.

– Да, сухим этот денёчек точно не назовёшь, – ответил цыган, не переставая сушить брючины.

– Особенно если сидеть весь день в воде, – я подумал, что припёр его к стенке.

– Я купался.

– Прямо так? В одежде?

– Плавки дома забыл.

– Городской пруд не лучшее место для купания. Можно на проблемы с законом нарваться, а конокрадство во время купания в неположенном месте – это вообще серьёзное нарушение уложения о парках культуры и отдыха.

– А за занудство и шпионаж статьи случаем не предусмотрено? Долго вы здесь на лавочке поджидаете?

– Сколько надо, столько и поджидаю.

– И что вам от меня надо?

– У тебя пакет забит краденными конями. Четыре из них мои.
– Я нашёл пакет на дне пруда. Не знаю, что в нем.
– И про летающих коней тоже ничего не знаешь?
– Летающие кони? Дайте подумать... Видел в детстве на пачках с сигаретами.
– А про ныряющих коней? Коней, со свистом бухающихся в воду? Коней, соскакивающих с шахматной доски в разгар драки между чёрными и белыми?
– Не знаю. Не слышал. Ничего такого природой к существованию не подразумевается.

Мне это стало надоедать. Все эти люди, пойманные с поличным и продолжающие настаивать на своей невинности... Господи... Это всё равно что выставить в аудитории голого мужчину и доказывать, что он женщина. Или выставить там же голую женщину и доказывать, что она одета. Что можно сделать с такими людьми? Отойти, если у тебя нет сил отвесить увесистого леща. Ну или отвесить леща. Я некоторое время колебался, оценивая свои силы, но решил, что их всё-таки будет недостаточно. Цыгана совсем не волновало, что его застукали на месте преступления. Он готов был отговариваться сколько угодно. Думаю, если бы у меня было ещё пару коней, он бы без зазрения совести спёр и их, не переставая сушиться.

– Ладно, можешь оставить себе свою добычу, меня это нисколько не заботит. В конце концов, в шахматы можно играть и без коней. Да я в них и не играю особо.

– Не очень понимаю, о чем прямо сейчас идёт речь, но подозреваю, что меня обвиняют в том, чего я не совершал.

– Скорее в избыточной традиционности.

– Это да, – расплылся в улыбке цыган и неожиданно пошёл на попятный: – Мы традиции уважаем.

– Может даже слишком.

– Это просто зов крови, – он перешел на ты. – Понимаешь? И заметь, удовлетворяю я его довольно невинными способами. Что такое шахматный конь? Кусок дерева в лучшем случае. Цена ему три копейки. Вам урон минимальный, а мне, старику, – радость. Но ты же пришёл сюда не за этим? Сам сказал, что не за этим.

– Для старика тебе слишком мало лет. Но да, пришёл я не за этим. Я от Ласло.

– Ах Ласло, усатый увалень, как он поживает?

– Торгует помаленьку, но слишком уж обуржуазился.

– Есть такое. Торговля до хорошего не доводит.

– Он сказал, что я могу достать у тебя патроны к Макарову особой цыганской модификации. Но сейчас у меня такое ощущение, что кроме шахматных коней у тебя ничего нет. Конячий маньяк.

– Конячий и коньячный, – цыган засмеялся, достал из кармана своей жилетки флягу и отпил из неё. – И да, патронов у меня действительно нет, но я знаю, где их достать. Есть один парень, его, кстати, тоже зовут Ласло, как нашего общего друга. Так вот, у него...

– Можешь не продолжать. Если ты имеешь в виду Ласло-заёмщика, Ласло, который всем должен, Ласло, который верил в бесконечную инфляцию, то он исчез с радаров, после того как стоимость денег привязали к золоту, и они стали дорожать. Квартира Ласло разорена займодавцами. Его песенка спета.

– Нет, я имею в виду другого Ласло. Ласло-цыгана. Ласло-барона.

– Никогда о таком не слышал.

– Проблема в одном. Пока ты здесь игрался в свои глупые шахматы, Ласло вместе со своим табором отправился в странствие.

– В какое странствие?

– По метрополитену.

– С табором?

– С табором. По религиозным соображениям. Но это старая история, в ней Иисус замешан со своим братом. Сейчас долго рассказывать.

– Кажется, я ее знаю.

– Но вряд ли до конца.

– Ну да ладно, вряд ли меня интересует конец этой истории. Меня больше волнует этот твой Ласло-барон. Как до него добраться?

– Его ещё можно догнать. У меня как раз дела есть в метрополитене. Надо передать добычу, – цыган показал на свой пакет, – в бюро находок...

– В бюро находок принимают находки. Добычу отдают в другие места, – прервал я его ложь.

– Ну, может, и в другое место – как получится, – пожал плечами цыган. – Но иду я по тому же маршруту, что и Ласло, и в отличие от него, без табора, поэтому буду двигаться быстрее и сумею нагнать его в один-два дня. Но если тебя так волнует, что свой пакет я понесу не в бюро находок, а в другое место, то, конечно, тебе лучше остаться в парке и продолжать препираться с местными чудаками по поводу правил игры в шахматы.

Перспектива гнаться за табором по метрополитену меня, признаюсь, испугала, а расчетная продолжительность нашего путешествия удивила. Я, наверно, полминуты молчал.

– Два дня?

– Максимум.

– Почему так долго? Метро можно проехать из конца в конец по любой ветке за час.

– Ты имеешь в виду ту часть метро, которая представлена на картах.

– Какую же еще?

– Карты никогда не поспевают за реальностью. А карты метро особенно.

– Что, прямо отстают?

– Отстают и очень сильно. Схема в вагонах – это только верхушка айсберга. Я бы сказал даже, верхушка верхушки

Я снова погрузился в раздумья.

– Ну? – насмешливо спросил цыган.

– По рукам.

– Встречаемся завтра на рассвете у киосков Ласло-барахольщика. Они проведут нас в метро.

5

На следующий день, как условлено, рано утром я подошёл к переходу, в котором Ласло промышлял своей торговлей. Цыган уже поджидал меня. На нём были всё те же брюки, та же жилетка и та же шляпа. Выглядела его одежда тяжело и влажно, как будто не успела высохнуть за ночь, но цыган не обращал на это особого внимания. В руках у него был вчерашний пакет, который он даже не удосужился очистить от ила.

– Для Ласло слишком рано, – сказал цыган почему-то на внешнем диалекте, хотя в предыдущий день мы общались на московском языке. – Но по большому счету, он нам и не нужен.

С этими словами цыган вытащил из кармана связку ключей, подошёл к павильону, возле которого на маленькой табуретке сидел Ласло во время нашей последней встречи, и открыл дверь. Внутри павильона, как и в прошлый раз, всё было завалено картонными коробками, а на стене висела цветастая шторка с вышитой на ней картой Московской области. Цыган переставил несколько коробок, пробрался к шторке и отодвинул её. В стене обнаружилась еще одна дверь в три четверти человеческого роста.

– Нам сюда, – сказал цыган, – отсюда Ласло получает конфискованную на таможене контрабанду со всей границы. А ещё это чёрный вход в метрополитен. Для тех, кто по

каким бы то ни было причинам не любит турникеты и не желает встречаться с контролёрами. Через него мы попадём на запасную ветку метро.

Цыган открыл дверку другим ключом из своей связки, и мы оказались на площадке перед лифтом. Кнопку вызова даже не пришлось нажимать: услышав нас, лифт заворочался где-то внизу и стал подниматься сам собой. Ехал он довольно долго – так мне показалось, или так, наверно, всегда кажется, когда ждёшь лифта – время начинает течь медленнее. Я вспомнил, что метро здесь, и правда, залегает глубоко. Спускаться в него по эскалатору тоже было делом небыстрым.

Наконец лифт остановился, притих, а потом, задумавшись на секунду, распахнул двери. Цыган отодвинул защитную решётку, и мы вошли внутрь. На панельной доске было всего лишь пара кнопок: одна гладкая и пустая, как вытертая монета, а на второй друг в друга упирались две стрелки. Цыган закрыл решётку, нажал обе кнопки разом, и лифт пополз обратно.

Внизу нас ждала ещё одна площадка с лестницей. Дюжина ступеней вела к железнодорожным путям, на которых стояла дрезина с классическим рычагом на два человека.

– Нам придется приложить усилия, – сказал цыган, влезая на дрезину. – Лошадей, к сожалению, я предложить не могу.

– И то правда, откуда у конокрада взяться лошадям? Виданое ли это дело?

– Лошади есть в кочующих таборах, но для двух человек это слишком накладно. Своими силами обойдёмся.

– Не закончится ли наше путешествие тем, что нас на полных парах порубит на куски какой-нибудь неуклюжий поезд?

– Поезда не такие уж неуклюжие, чтобы рубить на куски зазевавшуюся дрезину. Скорее нам грозит напороться на незнакомый табор. Что уж, даже Ласло может встретить нас недружелюбно.

Мы отъехали от лифтовой площадки метров на триста. Немного. Но я успел свыкнуться с мыслью, что ближайшие сутки мне придётся провести среди бесконечно тянущихся по стенам проводов. И вот теперь к этому добавилась опасность и враждебность каких-то таборов.

– А кроме табора Ласло есть ещё и другие?

– Ты не понимаешь, Ласло лишь один из многих, кто ищет пределы московского метро.

– Мне действительно непонятно, – сказал я, наваливаясь на доставшуюся мне часть рычага. – Мы едем к Ласло-барону за патронами. Ты говоришь, что он может встретить нас недружелюбно. Если у него есть во что зарядить патроны, то встреча получится совсем неприятной. А тут ещё незнакомые таборы, которые ищут пределы московского метрополитена и из-за которых мы до Ласло можем и вовсе не добраться. Объясни, что происходит?

– Дело в том, что все мы, цыгане, ищем пределы московского метрополитена и уповаем на то, что однажды эти пределы не найдутся.

– Спасибо, теперь-то я все понял, – по силе, с которой я снова надавил на рычаг, стало ясно, что я ничего не понимаю.

– Ах да, – вспомнил цыган, – ты же не знаешь эту историю до конца.

– Какую?

– Про Иисусова брата?

– Ласло сказал мне, что конец там не имеет особого значения. Его добавляют во все цыганские инструкции для красоты. Но мне кажется, что при должном переводе с внутреннего диалекта на внешний, он вполне может оказаться гарантийным талоном. Это единственная одинаковая часть во всех инструкциях. Тех из них, по крайней мере, которые записаны на московском языке. Не думаю, чтобы с инструкциями на цыганском дела обстояли иначе.

– Ласло пошутил с тобой, – сказал цыган в ответ на моё предположение. – Этот отрывок вставляют во все инструкции, дабы мы помнили об обете, который взял на себя Иисусов брат за свой легкомысленный проступок. И на внутреннем, и на внешнем диалекте смысл у этой части текста одинаковый.

– Что, неужели, и там и там «обет» – это «обет», а «проступок» – это «проступок», а не «гарантийный срок», «техническое обслуживание» или «устранение недостатков»?

– Да, – серьезным тоном подтвердил цыган, – и там и там речь идет о прегрешении, раскаянии за содеянное и воскресении к новой жизни через служение пришедшим на помощь людям. Одним словом, об обете.

– Что же это за обет, и во внутреннем, и во внешнем диалекте такой одинаковый?

– Это обещание, – продолжал цыган, – обещание, которое взял на себя Иисусов брат.

– Обещание?

– Он поклялся Иисусу выстроить в Москве метро, по которому потомки цыган, выцепившие его из рук С., смогли бы путешествовать, не сталкиваясь со стражами правопорядка и другими представителями властей.

– Целое метро, только чтобы вас не беспокоили власти?

– Не только. В том смысле, что не только московские, а вообще власти. Власть всего мира. Видишь ли, московский метрополитен невозможно закончить строить. Начать – да, но не закончить. Как только он упирается в пределы города, город начинает расширяться. Приходится снова браться за дело. К Москве присоединяют какую-нибудь забытую богом деревню и первым делом вырывают котлован, сооружают в нем станцию, тянут к ней отдельную ветку метро. И так происходит с каждым поселением, переезжающим в столицу. История повторяется. Снова и снова. Уже сто лет. И поделаться ничего нельзя. Клятва. Мы верим, что пока брат не перевоспитается окончательно, ну или пока Иисус не сочтет его перевоспитавшимся, стройка не будет завершена. А случится это, когда московское метро уже, собственно, не будет московским. Сначала оно расширится до границ области, потом расползётся по стране, а после завоюет иностранные метрополитены и станет всемирным. Тогда-то обет и исполнится. Брат перевоспитается, а цыгане смогут путешествовать по всей земле, избегая паспортного контроля, досмотров на таможне и прочих назойливостей со стороны властей. Этого момента мы и ожидаем. Первый цыганский барон, который совершит со своим табором кругосветное путешествие по туннелям метро, станет королем цыган. Есть основание полагать, что такое путешествие возможно уже сейчас. Теперь ты понимаешь, почему нас могут встретить недружелюбно. Таборы конкурируют между собой. Иногда даже доходит до перестрелок. Все хотят стать королями.

– Но в конце концов, разве метро строят не для поездов? – попытался я перебить этот поток бреда.

– Что ты! Поезда – это дьявольское наущение. Это всё нечестивые и завистливые московские цари. Это они запустили под землю поезда и заставили людишек-москвичишек, своих скверноподданных, каждый день ездить в них, якобы на работу, а на самом деле, чтобы помешать странствиям цыган. Посмотри, эти туннели не предназначены для поездов. Их округлость идеально подходит под округлость цыганской повозки. Но не для квадратных вагонов. Да, это должна быть огромная повозка, которую тянут огромные лошади, но огромность – это только вопрос времени. А станции? Это же стоянки для таборов. Прохладные летом, теплые зимой. На станциях мы должны набираться сил для того, чтобы продолжать путешествия, а вместо этого их пачкают своею обувью тысячи случайных людей. Но рано или поздно мы выгоним из-под земли всех гаджо вместе с поездами, в которых они ежедневно потеют и воняют. Выгоним и станем самым свободным народом, когда-либо жившим на земле. Это план Иисуса.

Цыган замолк. Одноколейный тупик, из которого мы начинали путь, давным-давно вынес нас на широкую подземную магистраль в шесть или семь полос. Мы мчались вдоль

ряда грязно-белых колонн, подпиравших темный сводчатый потолок. Рычагом можно было не работать. Дрезина разогналась до приличной скорости и катилась сама собой. Рельсы под ней гудели от напряжения, и им вторил ритмичный перестук колес, эхо от которого разносилось по всему туннелю. Встречные поезда обдавали нас волной горячего воздуха. Всякий раз, когда это происходило, цыган придерживал свой пакет, чтобы его не снесло вместе с драгоценным содержимым. Я смотрел вперед на горящие зеленым светом семафоры. Дрезина в этих краях, наверно, была редким гостем, и зеленый свет семафоров выражал, скорее всего, не приглашение к дальнейшему продвижению, а замешательство. Но какое теперь это имело значение?

Один раз мы нагнали шедший по соседним путям поезд. Он был набит усталыми людьми, которые не обращали на нас внимания, словно мы были невидимками. Цыган помахал рукой маленькому ребёнку, пытавшемуся высмотреть что-то в окне, но ребёнок не отреагировал. Я крикнул цыгану, что ему лучше держаться за рычаг обеими руками: на такой скорости, мол, немудрено и свалиться. В ответ он рассмеялся. Его забавляла моя боязливость.

Мы поравнялись с кабиной машиниста и постепенно начали её обгонять. Над лобовым стеклом показались пылающие жёлтым пламенем буквы, сложенные в название конечной станции. Никогда про такую не слышал. Какой-то длинный, состоящий из одних свистящих, шипящих и ыкающих топоним, должно быть, только недавно включённый алчными градоначальниками в городскую транспортную систему. Оторвавшись от полыхающей надписи, я опустил голову и увидел лицо машиниста. Оно было ужасно, это лицо: бледная кожа, растрёпанные волосы, остекленевший взгляд, круги под глазами, изрезанный морщинами лоб. Он был в своей кабине один. Руки неподвижно покоились на приборной панели, которая то и дело вспыхивала разноцветными огоньками. Ни один мускул на лице машиниста не выдавал эмоций, которые он испытывал, рассекая древнюю подземную темноту, принявшую вид туннеля. Испытывал ли? Я присмотрелся к его лицу как следует и вдруг понял, что поезд, как и наша дрезина, катился вперед сам собой. Машинист не принимал участие в его управлении. Он был абсолютно безразличен и, думаю, мертв.

Через станции за некоторыми исключениями мы не проезжали. При приближении платформы наша колея резко уходила вниз, как бы подныривая под платформу, а потом снова подымалась, присоединяясь к остальным путям. Получались такие подземные американские горки. Мы ныряли в узкий коридор и, пролетев под платформой, вновь выныривали на широкую подземную магистраль. Исключением была одна станция с тремя путями. Я вспомнил её, потому что выходил здесь, когда шел к Ласло-должнику на квартиру после его исчезновения. С тех пор прошло всего два дня, но мне казалось, что между нами простираются все океаны мира. Мы проехали по тому пути, по которому никогда не ходили поезда. На станции толпился народ. Кто-то наверняка был кредитором Ласло и направлялся к нему на квартиру, не зная, что там уже ничего нет, кто-то шёл обратно не солоно хлебавши. Нашу самодвижущуюся дрезину не заметили. Все стояли в ожидании поезда, который должен был прийти на соседний путь. Силуэт одного человека показался мне знакомым. Мне даже захотелось остановиться и удостовериться, что это именно тот, о ком я подумал. Но мы, естественно, продолжили путешествие. Всё-таки не думаю, что это был Ласло. Скорее всего, я обознался. Люди, обременённые такими долгами, какими был обременён Ласло, не возвращаются.

Наконец мы проехали мимо очень длинной платформы. Вся она была уставлена крестами с метрополитеновскими логотипами. Некоторые кресты стояли на самом краю платформы: покосившиеся в разные стороны, прямые как стрела, каменные, деревянные. Мы сбросили скорость, и я получил возможность рассмотреть фотографии людей в форменных синих фуражках, вклеенные в центр логотипов. Все лица были похожи на то, которое я видел получасом ранее в головном вагоне состава, несущегося к неизвестной мне конечной станции.

– Это кладбище машинистов, – сказал цыган, предвосхищая мой вопрос, и перекрестился. – Здесь заканчивается официальная часть метро.

6

Мы проехали мимо подземных могил и очутились в абсолютной темноте. Впереди не было видно ни одного огонька. Колеса дрезины перекатывались по рельсам, давя какие-то мелкие крупички, должно быть, падавшие с потолка. Мы продвигались вперёд очень медленно. Цыган то и дело шуршал пакетом и слегка надавливал на рычаг, чтобы совсем не остановиться. Я просто держался за рычаг, опуская и поднимая руку вместе с его рукояткой. Совсем скоро где-то впереди послышался звук, который сначала я принял за скрежет тормозящего состава. Он повторился несколько раз, прежде чем я смог понять, что это конское ржанье.

Цыган извлёк из своего пакета фонарик и передал мне. Светил фонарик слабо, но кое-что было видно. На пути стали попадаться вещи, как будто выпавшие из незапертого багажа: одежда, полотенца, ботинки. Снова послышалось конское ржание, теперь уже совсем близко. Стенки тоннеля расступились, и мы въехали в большую подземную пещеру. Цыган посмотрел на меня. Выражение лица у него было нерадостным.

Вдруг он схватился за рычаг, стараясь зафиксировать его в неподвижном состоянии, чтобы таким образом затормозить дрезину. Луч от фонарика в моих руках дрогнул, скосившись на высокий скалистый потолок, но сразу же вернулся в первоначальное положение. Мы полностью остановились и наконец смогли что-то разглядеть. Перед нами предстала ужасная картина: несколько кибиток были разметаны по пещере, как будто каким-то огромным зверем. На рельсах валялись горы тряпок, выпотрошенные чемоданы, изувеченные гитары, кузнечные принадлежности. Посреди всего этого стояла лошадь, а рядом с ней лежал окровавленный человек.

Цыган соскочил с дрезины и подбежал к нему.

– Ласло, что случилось?

Я зажёл пару валявшихся на земле факелов и тоже подошёл к раненому. Это был уже очень старый человек с длинными седыми волосами и седой бородой. На «парня», как представил мне его цыган в нашем разговоре в парке, он совсем не походил. Было в нём что-то благообразное и пророческое.

– На меня напали, – застонал раненый, и во рту у него лопнул кровавый пузырь. – На меня напали и украли мой табор.

– Кто напал?

– Ласло, – ответил старик. – На меня напал Ласло.

– Ничего не понимаю, – я посмотрел на цыгана.

– На меня напал Ласло, – вновь прохрипел старик, – И убил меня!

Я схватил цыгана за руку и оттащил в сторону от умирающего.

– Что здесь происходит?

– Не видишь? на Ласло напали.

– Кто на него напал?

– Он же сказал, что на него напал Ласло.

– Ласло убил Ласло?

– У нас не принято раньше времени хоронить человека. Но в целом да: Ласло убил Ласло.

– Мне кажется, я скоро свихнусь.

– Что такое? – спросил цыган.

– Я знаю двух Ласло: Ласло-должника и Ласло-барахольщика. Перед нами, как я понимаю, Ласло-барон. Твоё имя мне не известно, и я даже не хочу спрашивать, чтобы, не дай бог, не узнать, что тебя зовут точно так же. Но здесь что, ещё один Ласло объявился? Не слишком ли много? Кто такой этот четвёртый Ласло, который так отвратительно

поступил с Ласло-бароном? И почему Ласло-барон вместо того, чтобы встретить нас недружелюбно, как ты обещал, встречает нас в таком жалком состоянии?

Цыган с сокрушением вздохнул, насупился, а потом произнёс:

– Судя по всему, нужно рассказать тебе еще одну вещь.

– Определённо.

– Помнишь, я говорил тебе про барона, который станет королем цыган, если совершит кругосветное путешествие под землёй.

– Помню, ты говорил мне это совсем недавно.

– Видишь ли, есть небольшая группа цыган, которая верит в то, что их королём должен стать человек по имени Ласло. Именно табор человека с таким именем совершит первое кругосветное подземное путешествие и объединит весь цыганский народ под своим правлением. И этот четвёртый Ласло, Ласло-разбойник, верит в то, что он и есть этот будущий король и объединитель цыган. Но ведёт он себя подло. Он планомерно уничтожает всех своих тёзок, чтобы избавиться от конкурентов. На самом деле он даже никакой не цыган, а гаджо, попавший в табор ребенком, но проявивший себя исключительно жестоко в борьбе за власть. Это не первое его убийство. Под его началом передвигаются уже много кибиток.

Мы вернулись обратно к умирающему барону. Тот был совсем плох. Цыган присел на землю и положил его голову к себе на колено.

– Он называет себя новым братом Иисуса, – прохрипел старик и поднял сжатый кулак. Это было слабое движение, движение из последних сил, но сразу чувствовалось, сколько отчаяния оно в себе заключало.

– Он говорит, что должен закончить то, что начал старый брат: выгнать из метро поезда и объединить цыган. Но движет им не Иисус, а дьявол. Он не должен стать королем цыган. Он самозванец и негодяй. Хоть вся его жизнь и прошла среди нас, он так и остался жадным и властолюбивым гаджо. Людей он ни во что не ставит, а больше всего на свете ценит почести и драгоценные вещи.

– Бедный Ласло, – пробормотал цыган, вытирая пот с лица старика, – Мы думали встретиться с тобой только через два дня, а увидели через час после начала нашего путешествия. Но при каких обстоятельствах, при каких обстоятельствах! Сейчас тебе лучше не говорить. Мы и так знаем, что за мерзавец на тебя напал. Лучше посмотри, каких замечательных коней я тебе привез.

Цыган стал доставать из пакета шахматные фигуры и показывать старику. Белые, чёрные, белые, снова чёрные... Старик смотрел мимо них куда-то в бесформенную тьму, витавшую под сводом пещеры. Фигурки больше привлекли внимание лошади, которая с момента нашего появления не отступала от своего хозяина. Теперь она перевесила голову через плечо цыгана и то и дело пыталась нежно лизнуть деревянных коней из пакета. Старик тем временем отвлекся от подпотолочной тьмы, с усилием повернул голову и уставился на меня, как будто только что заметил моё присутствие. Мне стало не по себе от этого взгляда.

– Ласло не должен стать королём, – медленно проговорил старик, не сводя с меня глаз. – Не должен совершить кругосветное путешествие.

Цыган отложил свой пакет и поднял голову. Теперь они смотрели на меня вместе – два человека, одного из которых Ласло-негодяй только что убил, а второго, по всей видимости, оставил без вознаграждения за добычу. Я старался сделать вид, что их многозначительный пристальный взгляд – один на двоих –нисколько меня не беспокоит, что мне всё равно, однако смутное дурное предчувствие, буквально только что зародившееся во мне, не обмануло. Старик открыл рот и, изрыгнув из себя изрядное количество крови, сказал:

– Остановить одного пустопорожнего гаджо может только другой столь же пустопорожний гаджо.

Я вопросительно, но скорее всего испуганно, посмотрел на своего цыгана. Он как-то стыдливо отвёл от меня глаза, потом снова повернулся и сказал:

– Вероятно, ты опять чего-то не понимаешь?

– Я понял всё и не хочу больше ничего понимать. Прямо сейчас я хочу запрыгнуть в дрезину и прокувыркаться в ней обратно до ларьков Ласло-барахольщика. Можно даже просто до ближайшей станции метро. Мне надоели эти бесконечные истории про малодушных, самозванных, неудачливых родственников Иисуса, и ещё одну я не выдержу...

– Я могу тебя понять. Но старик прав. Только гаджо может убить другого гаджо, потому что их сердца пустые и жестокие...

– А ваши? Наполнены добротой и любовью? Настолько, что вы не в состоянии разобраться с ублюдком?

– Видишь этот контактный рельс? – из последних сил вступил старик. – Говорят, в нём пять тысяч вольт. И если человек до него дотронется, то умрёт. Они врут. В нём десять тысяч вольт. И ещё ни один цыган не умер от прикосновения к нему. Но от пуля Ласло...

– Что не так с пулями Ласло? – прервал я его с раздражением.

– Это опасный противник, – вновь заговорил цыган. – Самый опасный среди баронов. Он управляет табором с семи лет и ни разу не бывало такого, чтобы в тоннеле его кто-нибудь не пропустил. Выбор у всех простой: либо вжаться в стенку и смиренно наблюдать за проходом кибиток, либо быть убитым Ласло. Пули вылетают из дула его пистолета одна за другой, без остановок. Ласло держит пистолет одними пальцами, как скрипач скрипку, стоит на цыпочках, как ребёнок, и стреляет, не глядя на противника. Не знаю, откуда у него эти способности, но убить его мы не можем.

– Ты гаджо, – голос старика стал совсем слабым, кулак уже не отрывался от земли. – Твоя голова не занята мыслью о метро, твоё сердце не наполнено любовью к Иисусу. Ты никому не нужен, кроме своих кредиторов и должников, поэтому в тебе найдется достаточно места для жестокости, с помощью которой ты сможешь покончить с Ласло-негодяем.

– Что ты мелешь, старик? – я уже не пытался сдерживаться и не думал о приличиях. – Ни один ромалэ не осмелился бросить ему вызов, а я, гаджо, смогу взять верх над ним? Закрывай глаза и поскорее умирай. Пусть поезда почтут твою память гудением. Пусть медведи три дня отпевают тебя на твоей могиле. Не порти свою смерть нелепыми фантазиями.

Он, казалось, не слышал моих жестоких неподобающих оскорблений.

– Ты гаджо, – сказал он как в бреду, – ты убьешь Ласло, если заключишь договор со своим сердцем.

– Я просто пришел за патронами для пистолета, который достался мне от одного из твоих, как мы сейчас выяснили, многочисленных московских тёзок. Патроны – это все, что мне нужно. Но теперь даже и они мне не нужны.

– Это тебе только кажется, – хрипел в предсмертном бреду старик. – Тебе только кажется, что ты пришёл за патронами. На самом деле ты пришёл убить Ласло и освободить цыган.

– Это чушь, чушь, всё, что ты здесь говоришь, – закричал я в ответ. – Я не хочу больше это слушать...

– Убей Ласло.

– Чушь!

– Убей Ласло. Пойди и убей Ласло.

– Умри уже быстрее. Ты несёшь бред.

– Убей негодяя и самозванца.

– Полоумный идиот.

– Убей... – старик вдруг остановился на половине своей безумной фразы и уставился стеклянными глазами куда-то вверх.

– Ласло, – окончил за старика его фразу цыган и закрыл ему глаза. Кулак, которым старик пытался сотрясать во время разговора, раскрылся, и из него на метрополитеновскую серую землю высыпалось семь патронов.

– Это твои патроны, – сказал цыган, поднимая их с земли. – Ты волен взять их и уйти, либо...

Я взял патроны и положил их к себе в карман с пистолетом.

– Этому старику ты вёз свой пакет с конями? – спросил я.

– Да, я думал выменять их на хороший гидрокостюм, чтобы мне не так мокро было сидеть в пруду. Но теперь... – цыган рассеянно оглянулся по сторонам на остатки табора.

– Пойми, – сказал я трусливо. – Мы ничем не можем здесь помочь.

– Но старик же сказал, что если ты заключишь договор со своим сердцем...

– Старик бредил, пойдем, я ничего не могу сделать с Ласло-негодяем.

– И ты позволишь ему совершить первое подземное путешествие вокруг света и стать королем цыган?

– Это чепуха. По метро невозможно обогнуть земной шар. Московское метро рано или поздно закончится, и поверь, оно окажется сильно меньше того, что вы там себе нафантазировали. Да и вообще, я не думаю, что Иисусов брат когда-либо существовал. Всё это сказки про белого бычка.

– Ты еще скажи, что самого Иисуса не существовало, – ответил мне цыган, – что он не пострадал и не умер за всех нас в мучениях на кресте. Ты просто трусливый пустопорожний гаджо, который только и думает, что о своей ничтожной мелкой жизни. Зачем она тебе? Ты даже не знаешь, что с ней делать. То ли тапёром устроиться, то ли медведями заняться, то ли шляться по паркам и подслушивать чужие разговоры.

– Послушай, ты огорчён смертью своего контрагента, который был тебе, может, даже больше, чем просто контрагентом. Но нужно оставаться разумными. Ты видишь, что Ласло-негодяй сделал с табором Ласло-барона? С нами он поступит точно так же, как и с кибитками. Особенно со мной, когда узнает, что я пришёл мстить за старика. Да и с тобой, думаю, он цацкаться не будет. Он...

– Всё верно, – раздался откуда-то из темноты голос. – Цацкаться я ни с кем не буду...

Послышались шаги, за которыми последовал звук плевка и перещёлк оружейных затворов. Человек явно был не один.

– Ты опоздал, – прошептал мне цыган.

– Это Ласло? – с ужасом спросил я. – Ласло-негодяй?

– Самое время тебе прислушаться к своему сердцу. Другого выхода теперь у нас нет.

Вдруг бахнуло несколько выстрелов. Пещеру наполнило отчаянное конское ржанье. Я повернул голову и увидел, как наша нежная лошадь грузно свалилась рядом со своим мёртвым хозяином. Из тела ее бежали ручьи крови.

7

На нас вышла группа мужчин с ружьями, женщины и дети. Возглавлял их высокий блондин с голубыми, похожими на ядрышки миндаля, глазами. Думаю, эффект создавался линзами. Таких идеальных глаз в действительности быть не может. Одет он был так же, как мой цыган: жилетка, широкие штаны, на голове – шляпа с небольшими полями.

– Мы решили вернуться за одной вещью. Буквально на пару минут. И что я слышу? Кто-то здесь хочет помешать моим невинным подземным путешествиям? – проговорил блондин.

– Ты негодяй, Ласло, – невозмутимо ответил ему цыган. – Зачем ты убил лошадь?

– Толку от неё? Она ни на шаг не отступает от своего бесполезного хозяина, – блондин в шутовской манере приподнялся на носки, чтобы разглядеть тело старика. – Уже мёртвого, как я понимаю?

– Зачем ты убил Ласло?

– Я никого не убивал. Просто пальнул в него пару раз. Он сам умер.

– Ты убил Ласло и похитил его табор.

– Похитил его табор? – спросил блондин с возмущением. – И меня еще в чём-то обвиняют? Люди присоединяются ко мне, потому что хотят увидеть исполнение обета, данного мне Иисусом.

– Нам, – поправил его цыган. – Данного нам Иисусом.

– Нам, хорошо, – неохотно согласился Ласло. – Но люди идут ко мне, потому что хотят свободно путешествовать по миру, а в таборе, который возглавляет немощный старик, вряд ли можно обогнуть землю под землей.

– Ты убил старика из-за его немощности? Это не по-цыгански.

– Я никого не убивал. Он умер, потому что внушал людям, будто на самом деле на что-то способен. Он заблуждался и вводил в заблуждение других.

– Не думаю, что люди присоединяются к твоему табору добровольно.

Блондин оглянулся на стоявших за ним людей. Ему никто ничего не ответил.

Перепалка продолжалась, и было понятно, что дело идет к драке. У блондина на поясе висел патронташ с кобурой, которую он расстегнул по ходу разговора. Цыган тоже был вооружен. Под жилетом у него я заметил пистолет. Наверно, привез в пакете и успел перепрятать на себе. Но на что он надеялся, я не знаю. В свете всего того, что он мне рассказал про последнего Ласло, шансов на победу у него не было.

Мой пистолет лежал у меня в кармане. Туда же я положил патроны, которые передал мне цыган перед появлением Ласло-негодяя. Я осторожно ощупал их рукой. Нужно было попытаться зарядить пистолет незаметно, то есть не вынимая руку из кармана. Но для такого дилетанта, как я, это оказалось, конечно же, непосильной задачей. Патроны закатились за подкладку, пистолет остался с полувыдвинутым магазином. Принять участие в перестрелке мне точно не светило. Цыгана, конечно, было жалко. Он оказался хорошим человеком, и я успел привыкнуть к нему за наше недолгое знакомство. Однако нужно было думать об укрытии и надеяться на то, что Ласло захочет проводить со мной переговоры, а не убьёт следом за цыганом. В том, что моего спутника ждёт верная смерть, я не сомневался.

Вдруг я почувствовал какое-то движение внутри пистолета. Он как будто дёрнулся и образовал волну, которая передалась мне и, пройдя через руку, ударилась в сердце.

Цыган и Ласло продолжали словесную перепалку, всё чаще вставляя в неё крепкие выражения, в которых в основном фигурировали незаконные детёныши, появившиеся на свет в результате соития между медведями и лошадьми. И вот посреди всей этой ругани я отчётливо услышал голос моего пистолета.

– Убей Ласло, – сказал он мне.

Я почувствовал, как патроны в моей куртке задвигались и поползли в сторону магазина.

– Убей негодяя, – через моё тело пронеслась новая волна, еще более мощная, чем предыдущая.

Я почувствовал, как сердце моё забилося, заколотилось, словно загнанный в клетку волк, и посреди этого бега вдруг дёрнулось особенно сильно, не соблюдая принятого им истеричного ритма. А потом мне показалось, что внутри пистолета тоже появилось сердце. И дёрнулось на самом деле не моё сердце, а сердце пистолета. А моё – оно только отозвалось на это биение стали. Оружие в моих руках стало живым существом. Патроны пролезли в магазин и заперлись там. Я чувствовал каждый патрон, и у каждого было своё маленькое сердце. Потом из этого живого существа, которое было когда-то пистолетом Макарова особой цыганской модификации, мне в ладонь стали прорасти железные

ростки. Я почувствовал палец, лежащий на спусковом крючке, и спусковой крючок как единое целое.

– А теперь, – сказал мне пистолет. – Скажи, что ты хочешь убить Ласло. Выйди вперед и скажи громко и отчетливо, что Ласло никогда не совершит кругосветное подземное путешествие, потому что мёртвым положено лежать в могиле, а не путешествовать.

Что-то внутри меня сопротивлялось тому, что я собирался сделать, но своей воли у меня больше не было. Вернее так: моя воля полностью совпадала с волей пистолета, а то, что ей сопротивлялось, уже не было мной. Мои смешные желания, страхи, сомнения – крючки, на которых они держались, покрылись ржавчиной и рассыпались в песок.

Я вышел вперед и остановился. Заметив моё движение, Ласло с цыганом замолчали, вероятно, от удивления. Я почувствовал, как стальные ростки расцвели в моей груди холодными жестокими цветами. Пистолет прорвался к моему сердцу и залил его своей железной яростью. Теперь это была и моя ярость. Ласло пришёл в себя и открыл рот, собираясь что-то произнести, но я его опередил.

– Я хочу убить Ласло, – сказал я вслух. – Я хочу убить Ласло, потому что таким, как он, положено гнить в могиле и верховодить мертвецами, а не живыми людьми.

Ласло огляделся вокруг растерянно, как будто смысл моих слов не сразу стал ему понятен. Но его растерянность длилась всего лишь долю секунды. Он вдруг изменился в лице и пристально посмотрел на меня. Целый океан злобы плескался за его круглыми линзами.

Всё, что случилось после, я знаю скорее с чужих слов. В моей памяти сохранились смутные картинки нашего поединка. Помню, как я поднимал пистолет или даже, скорее, пистолет поднимал мою руку и целился. Помню, как в двадцати метрах от меня Ласло вытанцовывал свой танец смерти, становясь на цыпочки и перекидывая свой пистолет из одной руки в другую, словно решая, с какой будет удобнее выстрелить. Его голова была повернута немного вбок, а на лице играла тонкая улыбочка. На меня он не смотрел. Он и так знал, где я нахожусь и что делаю. Он вполне мог бы закрыть глаза. Чтобы убить меня, зрение ему вообще не требовалось. В какой-то момент он вдруг замер и уставился на меня одним глазом, который почему-то из голубого сделался пустым и черным. А потом я понял, что это не глаз, а дуло его пистолета смотрит на меня и хочет моей смерти. Тело моё зашло судорогой. Раздались выстрелы, вокруг пистолета Ласло образовалось облачко дыма. Меня что-то толкнуло в грудь и повалило наземь. Последовал удар по голове, и я потерял сознание, успев перед этим подумать, что у моего пистолета всё-таки ничего не вышло, и Ласло сумел меня укокошить.

В себя я пришёл через несколько дней. Так мне сказал цыган, которого я увидел, когда открыл глаза. Впрочем, зная его страсть к преувеличениям, без сознания я, скорее всего, пробыл более короткий промежуток времени и очнулся не через несколько дней, а через несколько часов. Что-то меня удивило в образе цыгана, и я долго не мог понять, что именно. Мы находились внутри кибитки. Под тентом, натянутым на металлические дуги, болтались из стороны в сторону котелки, миски, разделочные доски – нехитрый скарб людей, ведущих походную жизнь. Цыган сидел на маленькой скамеечке, приделанной к внутреннему бортику, и отхлёбывал из своей фляжки. На голове у него была шляпа Ласло. Я спросил цыгана, куда мы едем. Он махнул рукой в неопределенном направлении, а потом сообщил, что при падении я ударился головой об шпалу. Сильно, но, слава богу, не смертельно.

Ласло был мёртв, и убил его я – об этом цыган мне тоже поведал во всех подробностях. Но больше его поразило другое.

– Ты сделал то, чего никогда не сумел сделать ни один ромалэ, не говоря уже о гаджо. Ты выстрелил в Ласло сразу всеми семью калибрами своего пистолета. Ума не приложу, как это у тебя получилось... Первый калибр немного ранил Ласло, второй покалечил, третий причинил серьёзное увечье и так далее до самого последнего, который разнёс ему череп. И теперь ясно, что только так и можно было его прикончить. Легко ранить, покалечить, убить – всё разом, потому что Ласло совмещал в себе все проблемы и хлопоты, какие только может доставлять плохой человек.

Цыган пустился в перечисление пороков Ласло-негодяя, попутно описывая совершённые им злодеяния, но мне вдруг сделалось скучно. Я не знал этого человека при жизни, так зачем же мне нужно было что-то узнавать о нём после его смерти? Я притворился, что на меня напала дремота, и закрыл глаза. Заметив мою сонливость, цыган замолчал, а потом начал вполголоса напевать песенку про нас с Ласло. «На ходу, что ли, он её сочиняет?» – подумал я и провалился теперь уже в настоящий, а не притворный сон.

С тех пор я много раз слышал историю моего поединка. Рассказывали мне её разные люди, и каждый раз она обрастала все новыми подробностями: как стрелял я, как стрелял Ласло, что мы говорили друг другу, как двигались, где лежал мёртвый старик, как умерла лошадь, как кто-то из пришедших с Ласло спутников пытался стрелять в него, когда он убивал лошадь, и потом, когда он пытался убить меня. Последнее меня умиляет особенно сильно. Кто-то, оказывается, покушался на Ласло, пока мы с ним размахивали пистолетами. Но я не перебиваю и с удовольствием выслушиваю все версии, охотно веря в каждую.

В ответ меня просят рассказать про мою жизнь до поединка. Таковы правила цыганского общежития: история за историю. Делаю я это, в отличие от остальных, неумело, да и без особой охоты. Моя прошлая жизнь мне мало интересна. Сам про неё я все знаю, а рассказывать другим то, что тебе самому неинтересно – дело трудное и неблагодарное. Всё равно не поймут или поймут неправильно. Оно обычно так и бывает. Когда я дохожу до самых трагичных моментов своей жизни, публика взрывается хохотом, а над смешными историями плачет. Бывает иногда и так, что мне не верят. Особенно не верят дети, когда я говорю, что появился на свет без пистолета в руке. В таких случаях я прошу цыгана подтвердить мои слова, но он только смеётся и говорит, что я всё придумываю, чтобы повеселить своей историей маленькую публику. Ну что же, я не возражаю и рассказываю про себя так, будто живу с пистолетом вместо кисти с самого рождения.

Мне и самому всё чаще кажется, что история моей жизни, которую придумали себе другие, правдоподобнее той, которую рассказываю им я. Пистолет стал настолько органичной частью моего существования, что без него я себя просто не представляю. Не знаю, где точно пролегает граница между нами и есть ли она вообще. Сталь прочно вросла в мою плоть, а плоть проникла во все поры пистолета. Патроны рождаются у меня в груди и досылаются в оружейное дуло по кровеносным сосудам. Стреляю я силой мысли, а в прицеливании полагаюсь на милость божью. Я заключил договор со своим сердцем: оно любит и ненавидит тех, кого люблю и ненавижу я. Люди называют меня Ласло. Я глава табора и цыганский барон. Тоннели метро завещал нам Иисус, и я буду сражаться за них до последней капли своей медвежьей крови.